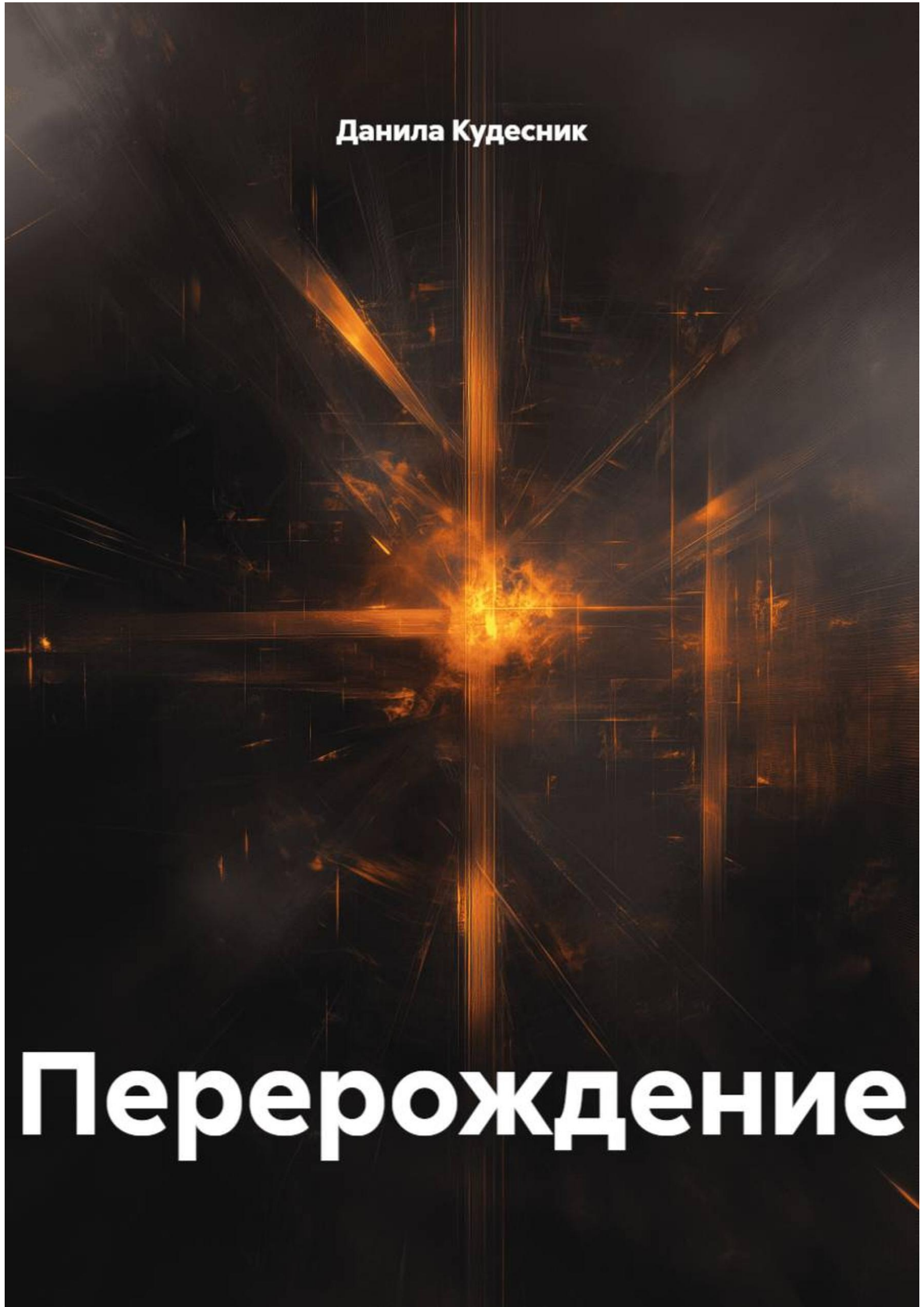

Данила Кудесник

Перерождение

Данила Кудесник

Перерождение

«Автор»

2026

Кудесник Д.

Перерождение / Д. Кудесник — «Автор», 2026

Обычный плановый осмотр должен был закончиться обычным «с ребёнком всё хорошо». Вместо этого Оксана узнаёт диагноз: болезнь Дьюера, или синдром мотылька. Дети с таким диагнозом слишком быстро взрослеют, слишком глубоко чувствуют — и почти никогда не доживают до четырёх лет. У Оксаны есть выбор: доверить сына системе, где ему продлят жизнь ценой личности, или попытаться бороться самой, следуя старой программе профессора Терпкина — человека, который уже однажды проиграл такую войну. Но чем дольше Вася остаётся рядом, тем труднее понять, где заканчивается любовь и начинается страх потерять. Иногда надежда спасает. Иногда — требует слишком высокую цену. Это история не просто о матери и ребёнке, это история о погоне за временем, и ошибках, которые можно совершить в спешке.

© Кудесник Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Плач	5
Будильник	11
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Данила Кудесник

Перерождение

Плач

Плач. Ещё несколько лет, и Оксана будет мечтать услышать хотя бы его. А сейчас она с большой неохотой открывает глаза.

Она поднимается с кровати, чтобы взять малыша на руки, и почти сразу улыбается, глядя в открытые ярко-зелёные глаза. Осторожно гладит сына по редким чёрным волоскам. Малыш тоже успокаивается, чувствуя тепло матери.

-

Ты проголодался? — интересуется она сонно и нежно.

Оксана укладывается обратно в кровать. Свободно. Слишком много места для них двоих. Ей хочется оказаться в крепких объятиях любимого, но завтра ему на работу. Он с рождения Васи спит в зале, на диване, и Оксана понимает, что ему нужно выспаться. Понимает — и всё равно скучает.

Она осторожно укладывает сына рядом, подложив одеяло ему под спину, и ещё несколько секунд смотрит, как он жадно причмокивает, смешно морща нос. В квартире тихо. Только пару раз за стеной едва слышно скрипит диван, на котором спит Анатолий.

Завтра их с сыном ждёт обычный плановый осмотр, и Оксана почему-то ловит себя на мысли, что волнуется сильнее обычного. Но усталость быстро накрывает её тяжёлой волной. Она прижимает ладонь к маленькой тёплой спинке сына и засыпает.

Утро начинается с суматохи.

Оксана проспала. Толя умчался на работу, не разбудив её, а сама она совсем забыла завести будильник. Она злится на себя и на супруга, но сейчас не до этого.

-

Соски, погремушки, бутылочки, салфетки, подгузники, запасные вещи, документы... — она торопливо перебирает содержимое сумки, снова проверяет боковой карман и только после этого выдыхает.

«Ушёл, даже не позавтракав. Неужели так сложно пожарить пару яиц? Опять съест какую-нибудь сухомятку по пути на работу, а мне потом выслушивать от его матери...»

Оксана тут же отгоняет мрачные мысли.

Транспорт ещё не приехал. Она не заказала машину заранее к определённому времени, а ближайшая всё ещё слишком далеко. Зато можно ещё раз всё проверить. Главное — успеть к приёму и не задерживать очередь. Оксана всегда болезненно переживает, если заставляет кого-то ждать.

Она могла бы просто сесть и расслабиться в ожидании автомобиля, но никак не может остановиться. Бесцельно бродит по квартире, поправляет и без того аккуратно сложенные вещи, снова заглядывает в сумку.

Плач. Она берёт Васютку на руки и усаживается на стул — слишком высокий и жёсткий, чтобы быть удобным. Но этот лёгкий дискомфорт почему-то помогает ей немного успокоиться.

Оповещение. «Как же невовремя...» — Оксана раздражённо смотрит на экран, но тут же переводит взгляд на сына и чувствует, что понемногу приходит в себя. До приёма они всё равно должны успеть. Немного поколебавшись, она увеличивает ожидание ещё на пятнадцать минут — просто чтобы побыть с Васей наедине чуть дольше.

Злость, усталость, апатия, которые не покидали её последнее время – всё растворяется в накрывшем её отчаянии, лишая твёрдой почвы под ногами.

-

Может, позвать вашего мужа? — молодая врач осторожно потянулась к телефону.

-

Нет! Я... я всё понимаю... я сама... — только сейчас Оксана замечает, что по её щекам без остановки текут слёзы, и быстро смахивает их рукавом, — Я сама поговорю с ним. А вы уверены, что это не ошибка?..

-

Анализ не даёт стопроцентной гарантии, но...

-

Да-да, я поняла. И что... что мне сейчас делать? — Оксана сжимает пальцы так сильно, что ногти впиваются в кожу ладони.

-

Профильный специалист поможет составить программу или... — врач на секунду замолкает и продолжает уже чуть тише, — предложит другой вариант. Я запишу вас... — она быстро пролистывает на экране доступные слоты и выбирает свободный, — на послезавтра в одиннадцать. Вам удобно?

-

Д... да, спасибо. Удобно.

Оксана растерянно смотрит, как супруг раздевается и идёт в ванную. Он выглядит невозмутимым. Ей хочется схватить что-нибудь тяжёлое и метнуть в это спокойное, усталое лицо. Но у неё нет сил.

-

Ты вообще понял, что я тебе сейчас рассказала? — в её голосе больше мольбы, чем раздражения.

-

Ты же сказала, что нет стопроцентной гарантии. Завтра... или когда там?

-

Послезавтра...

-

Послезавтра поговоришь со специалистом, он тебе всё объяснит и скажет, что делать дальше, — его голос звучит уже из-за закрытой двери ванной.

Оксана медленно опускается на диван, где обычно спит её супруг. Перед глазами всё плывёт, как в тумане. Она не знает, что чувствует человек, который вот-вот утонет, но ей кажется, что даже у него остаётся хоть какая-то надежда.

Потерявшись во времени, Оксана не сразу замечает, как Толик возвращается и садится рядом. Он обнимает её, притягивает к себе. От него пахнет гелем для душа – дуб, гвоздика, ментол и кориандр. Тепло его тела постепенно возвращает её в реальность.

-

Мы со всем разберёмся, — тихо говорит он.

И на короткое мгновение ей действительно хочется в это верить.

Плач ребёнка заставляет её вздрогнуть. Она осторожно выбирается из объятий, целует Толика и идёт в другую комнату. «Я мать — и ничто этого не изменит», — думает она, беря сына на руки.

-

Ты проголодался? — спрашивает она сонно и нежно.

В ответ – молчаливый взгляд.

Оксана буравит взглядом человека, сидящего в кресле напротив.

Он одет в строгий коричневый костюм. Сдержанный серо-голубой галстук, начищенные до блеска ботинки, идеально выбритое лицо, аккуратная причёска. Он больше похож на адвоката. Лицо серьёзное, почти лишённое эмоций. А вместо того, чтобы рассказать план лечения, он расспрашивает о ней самой – о детстве, муже, других детях.

Именно поэтому она засомневалась и спросила, врач ли он.

-

Понимаете, синдром мотылька... болезнь Дьюера – это не совсем болезнь...

-

Не болезнь? — почти зло переспросила Оксана. — А как тогда называется то, от чего дети умирают в три года?

-

Это скорее особенность развития ребёнка. И я, как психолог, должен проконсультировать вас. Понимаете, его тело, оно словно отторгает собственное сознание, — осторожно ответил специалист, следя за её реакцией. — Я знаю, как это звучит. Но сейчас важнее не формулировки, а то, с чем вам придётся столкнуться дальше.

-

Есть и другие болезни, когда дети теряют сознание – эпилепсия, болезни сердца... Люди живут с этим...

-

Потери сознания – это лишь первый симптом. Сначала они будут короткими. Потом продолжительнее. Позже ребёнок перестанет замечать голод, жажду, усталость. Вам придётся следить за тем, ел ли он, пил ли воду, ходил ли в туалет...

-

Я умею ухаживать за ребёнком... — резко перебивает Оксана.

-

Я не сомневаюсь.

-

Тогда зачем вы мне это рассказываете? — она отвернулась, чувствуя, как снова подступают слёзы.

-

Иногда всем нам нужна поддержка и помощь, — продолжил Тимур Арсеньевич. — Многие родители спешат отдать детей в ясли в этом возрасте, чтобы вернуться к работе и нормальной жизни.

-

К «нормальной» жизни?! Чтобы видаться с сыном пару часов по вечерам? Это ребёнок, а не абонемент в тренажёрный зал!

Вася вздрагивает и начинает тихонько хныкать. Тимур ждёт, пока девушка успокоит его.

-

Знаю, вы не из их числа, но, я лишь хочу сказать, что нет ничего предосудительного в этом. Вы всё равно сможете навещать его хоть каждый день...

-

А как же лекарства? — Оксана почти с вызовом смотрит на него. — Те самые, после которых дети становятся безвольными овощами?

-

Родители часто заранее читают о седативном курсе и пугаются формулировок, — спокойно ответил Тимур. — Но сейчас это всё ещё самый эффективный способ продлить жизнь ребёнка...

-

Ценой того, что он перестаёт быть собой?

-

Некоторые симптомы действительно становятся слабее. Ребёнок становится спокойнее, легче переносит приступы. Но побочные эффекты у такого лечения, конечно, есть.

-

Но есть же другие варианты? Всегда есть...

Тимур слегка переплетает пальцы.

-

Тогда остаётся комплекс упражнений. Но он требует очень жёсткой самоорганизации. Практически полной перестройки личной жизни. И всё равно это даст лишь несколько месяцев, возможно, год дополнительного времени.

-

И... это всё? — её голос впервые прозвучал не зло, а растерянно.

-

Есть запрещённые методы. В других странах. Но я не советовал бы вам даже рассматривать их.

Оксана опускает взгляд на сына.

-

А если анализ ошибся?..

-

Такое возможно, — спокойно отвечает Тимур. — Но вероятность невелика. Вы можете дожидаться первых симптомов и принять решение позже. Многие так делают.

Она долго молчит.

-

А этот... комплекс упражнений?

Впервые за весь разговор Тимур слегка меняется в лице — не улыбка, скорее что-то похожее на усталое сочувствие.

-

Есть книга. Первое издание сейчас сложно найти. Позже её сильно переработали и превратили в пособие по воспитанию одарённых детей. Но изначально она писалась именно для таких случаев.

-

Она помогает?

-

Некоторым детям — да.

-

А сами, что вы думаете об этом?

Тимур ненадолго переводит взгляд на спящего Васю.

-

Я думаю, что иногда несколько дополнительных месяцев нормальной жизни стоят очень дорого. Но всё равно стоят.

Вася тихо сопит, прижавшись к матери, и впервые за весь разговор полностью успокаивается.

-

Спасибо, доктор...

-

Зовите меня Тимур.

-

Хорошо, док... Тимур... Арсеньевич. Можем мы встретиться снова... чуть позже?

-

Конечно. У вас есть мои контакты, пишите или лучше звоните – договоримся о встрече. И по любым другим вопросам тоже отвечу. Также я вышлю вам всю необходимую информацию...

-

Спасибо, до свидания.

Оксана, всё ещё удерживая сына одной рукой, другой быстро собирает вещи и спешно покидает кабинет.

-

До свидания, — чуть растерянно отвечает Тимур Арсеньевич прежде, чем дверь успевает захлопнуться.

«Лучше бы они кричали, ругали меня, требовали собраться и сделать всё возможное для сына...» — больше не в силах сдерживать слёзы, Оксана разрыдалась.

Она проходит почти весь длинный коридор и замечает в стороне небольшой тёмный закуток с диваном. Там её никто не увидит. Она почти падает на него, крепче прижимая к себе сына.

«Или заставили бы отказаться...» — закрадывается страшная мысль.

Но Оксана тут же гонит её прочь.

«Нет! Никаких "или"! Никаких "если"! Я сделаю всё необходимое! Мы справимся!»

Но даже внутри собственного сознания это «мы» звучит слишком неуверенно.

Толя задержался. Оксане даже кажется, что она чувствует запах алкоголя – несильный, скорее всего, пиво или некрепкое вино. Она никогда не возражала, если он с друзьями собирался выпить, у себя или в гостях – неважно. Она доверяла ему и всегда отпускала. Но, чтобы так – сразу после работы, не предупредив её – никогда раньше такого не было.

«Ему тоже тяжело, и я должна его поддержать» — решила она для себя.

-

Ты прочитал... информацию, которую выслал специалист? — осторожно поинтересовалась она, чтобы начать разговор.

Ответ она и так знает. Толя всегда за всем следит. В том числе за сообщениями в личном кабинете.

-

Помнишь, я обещал маме помочь с вещами? Завтра с утра поеду к ней. лягу пораньше, чтобы выспаться.

Он наспех обнимает супругу и, пройдя мимо неё скрывается в ванной.

Опустошение. Если раньше Оксане казалось, что она тонет посреди бескрайнего моря, то теперь под ногами исчезает вообще всё. Даже дышать становится тяжело.

Плач. Удивительно, но этот звук немного успокоил её, словно в темноте появился крошечный источник тепла, к которому всё ещё можно идти.

Она уже сама всё знала и была готова. Он ещё не произнёс ни слова после фразы «Нам нужно поговорить», а все его доводы – точнее, доводы его матери, – свои возражения и даже их ссору в конце Оксана будто бы уже пережила в голове.

И сейчас у неё не осталось ни сил, ни желания проходить через это снова. Но сумеет ли она сдержаться, если он начнёт оправдываться или юлить, — она не знает.

И всё же Анатолий никак не может начать. Нет, он уже всё решил, но смятение и, кажется, стыд всё-таки рвутся наружу, мешая произнести слова вслух.

-

Давай не будем ссориться,

— тяжело вздохнув, предложила Оксана. — Я знаю, что ты хочешь мне сказать, а ты знаешь, что я отвечу.

-

Но...

-

Скажи только одно: если я останусь с ним... — как она ни старалась, слёзы всё-таки сорвались с ресниц, — если останусь с нашим сыном и продолжу бороться за то, чтобы он прожил хоть немного дольше... — она с трудом сглотнула ком в горле, — ты сможешь поддерживать нас? Хотя бы немного...

Анатолий отвёл взгляд.

-

Три года, Оксана... Три года без будущего. Только для того, чтобы немного отсрочить неизбежное...

Плач. Он, будто бы, стал тише, менее надрывным – или это ей только так кажется. Девушка устало поднимает взгляд и глядит куда-то сквозь человека, которого до этого дня считала родным и любимым.

-

Уходи...

-

Но это и моя...

-

Последняя просьба – оставь нас, пока я не соберу вещи и не съеду. Поживёшь пока у матери – она, ведь, этого хотела? Вырвать своего сына из рук женщины, которая не смогла родить ему здорового ребёнка.

-

Она никогда не говорила такого!

— разозлился Толик.

-

Этого и не требуется. Всё, я не хочу это обсуждать. Это не имеет уже никакого значения. Вася плачет.

С лицом, на котором не отражается никаких эмоций, Ксю проходит мимо супруга, который скоро станет бывшим – учитывая их ситуацию и её решение, суд не станет надолго растягивать бракоразводный процесс.

Будильник

Будильник. Оксана отключает его, достаёт из большой сумки на коляске толстую книгу Олега Алексеевича Терпкина «Болезнь Дьюера. Курс интенсивного развития» и открывает по закладке. Затем опускается перед коляской и с улыбкой встречается взглядом с сыном.

Она убирает перекладину, кладёт книгу себе на колени и поднимает ладони:

-

Давай, родной, свои ручки. Отлично, теперь ножки. Улыбнись. Подмигни. Скажи, куда мы с тобой пришли?

Вася послушно выполнил все её просьбы – приложил к маминым ладоням свои ладошки, потом поднял ножки и приложил ступни, «поиграл» с мимикой, а на вопрос уверенно ответил:

-

Зоопарк.

-

Какой же ты у меня умничка! — Ксюша смахнула с щеки слезу. — А сколько обезьянок ты видишь?

-

Три, — без раздумий ответил малыш.

-

Посчитай ещё раз.

Когда они только подошли к вольеру, за стеклом действительно играли три обезьянки, но теперь из соседнего помещения выбежали ещё две.

-

Пять, — быстро исправился Вася.

-

Извините... — неожиданно вмешалась стоящая рядом женщина лет пятидесяти. В одной руке у неё бумажный стаканчик с кофе, в другой – пакет с орехами для животных, — а сколько вашему малышу? Месяцев десять?

-

Восемь с половиной, — не поднимая взгляда ответила девушка.

Женщина явно собирается что-то сказать, но Ксюша продолжает занятие:

-

А что делают две новые обезьянки?

-

Прыгают. Играют в догонялки.

-

Умничка. А другие три?

Вася ненадолго задумывается.

-

Они ухаживают друг за другом... Потому что любят друг друга.

Ксюша улыбается и осторожно гладит сына по щеке.

-

Да. А я люблю тебя.

Только после этого она закрывает книгу и убирает её обратно в сумку.

-

Простите, — всё же решилась женщина. — Просто он у вас совсем маленький... и я подумала, что вы его слишком нагружаете.

-

Мне часто так говорят, — устало признаётся Оксана. — Но нельзя отнять детство у ребёнка, которому слишком рано приходится взрослеть.

Женщина непонимающе нахмурилась.

Ксюша на секунду замялась, затем всё-таки кивнула на книгу:

-

У моего сына синдром мотылька.

Лицо незнакомки тут же меняется.

-

Господи... Это же... «сонное зачарование»?

Оксана молча кивает.

Несколько секунд обе женщины молчат, а Вася в это время спокойно разглядывает стекло вольера, будто разговор взрослых его совсем не касается.

-

Прости... — тихо произнесла женщина. — Я не знала.

-

Ничего страшного, — Оксана попыталась улыбнуться. — Многие не знают.

Она поправляет сыну одеяльце на коленях.

-

Эти упражнения помогают ему дольше оставаться... здесь. Не закрываться в себе раньше времени.

А

ещё ему это нравится

.

Вася тут же поднимает голову:

-

Мне нравится быть с мамой.

У женщины дрогнули губы.

-

Как же ты справляешься, девочка моя?..

Этот вопрос всё-таки пробивает брешь в её самообладании.

-

Не знаю, — честно ответила Ксюша, и голос предательски сорвался. — Иногда мне кажется, что никак.

Женщина неловко касается её плеча.

-

Я буду молиться за вас.

Оксана старается незаметно вытереть глаза и кивает:

-

Спасибо.

Она разворачивает коляску и медленно идёт к следующему вольеру.

Скоро прозвенит новый будильник, а ей ещё нужно успеть показать Васе других животных, чтобы обсудить их во время следующего упражнения.

Будильник. Оксана с трудом удержалась, чтобы не швырнуть телефон в стену. Отчаяние снова накрывает её — тяжёлое, холодное, липкое.

Впервые за последнюю неделю она проспала больше двух часов подряд. Точнее — провалилась в какую-то чёрную бездну, из которой не могла выбраться. Или не хотела.

Если бы не будильник, заведённый «на всякий случай», она бы, наверное, спала ещё дольше.

Но сил всё равно нет. Даже проверить, проснулся ли Вася.

Она долго смотрит в потолок, затем всё-таки берёт телефон, находит в контактах «Тимур Арсеньевич (Психолог)» и нажимает вызов.

-

Доброй ночи, Оксана, — почти сразу ответил знакомый голос. — Рад вас слышать. От этих спокойных слов ей почему-то становится только хуже.

-

Что мне делать, доктор?.. — выдохнула она. — Я не справляюсь. Небольшая пауза.

-

Мы же договаривались – просто Тимур, — мягко напомнил он. — Появились первые приступы?

-

Да...

-

Как часто он теряет сознание?

-

Я... я не знаю... — голос предательски дрогнул.

-

Я знаю, вам сложно, — с пониманием ответил Тимур. — Но здесь важно, чтобы вы контролировали ситуацию, а не она – вас. Попробуйте вспомнить, хорошо?

Оксана медленно кивает, будто он может это увидеть.

-

Первый раз это случилось неделю назад. В субботу вечером.

-

Сколько длился приступ?

-

Минут пять... наверное.

-

А следующий?

-

Через шестнадцать часов. Почти столько же.

-

Потом промежуток начал сокращаться?

Она замерла.

-

Да... у всех происходит так же?

-

Да, так бывает почти всегда.

-

А наши упражнения?..

-

Уверен, вы всё делаете правильно, но они нужны не для этого.

Оксана закрывает глаза ладонью.

-

Я пыталась не давать ему уснуть. Постоянно разговаривала с ним, отвлекала, заставляла заниматься... Думала, если он будет сосредоточен, то...

-

Оксана, — впервые за разговор Тимур перебивает её чуть твёрже. — Вы не могли это остановить.

-

В последний раз мы поругались... — шёпотом признаётся она, убрав руку с лица и запутавшись пальцами в волосах. — Он устал, а я настаивала... А потом он просто отключился. Несколько секунд в трубке тихо.

-

В этом нет вашей вины, — наконец произнёс мужской голос. — Поверьте, многие пытались бороться с приступами. И Олег Алексеевич тоже.

-

Но последний раз было хуже... — её голос снова начинает дрожать. — Он говорил очень быстро. Перескакивал с темы на тему. А потом начал рассуждать о чём-то... очень сложном. Даже для него. Я почти перестала его понимать.

-

Это тоже один из симптомов.

-

И что мне теперь делать?..

-

Для начала – прочитать книгу до конца.

Оксана невольно поморщилась.

-

Я не смогла...

-

Знаю, — спокойно ответил Тимур. — Страх – это нормально. Особенно, когда речь идёт про вашего ребёнка.

Она молчит.

-

Но вам всё равно придётся через это пройти.

Оксана устало закрывает глаза.

-

Хорошо... Я постараюсь.

-

И ещё кое-что, — продолжил Тимур. — Постарайтесь не воспринимать каждый приступ как личную катастрофу. Это ваши страхи – не его.

-

Как это?..

-

Таким детям тоже бывает страшно, но по другой причине – одиночество, непонимание. Старайтесь уделять больше внимания ему, а не его «болезни». Расскажите о нём, какой он?

Оксана невольно улыбнулась и посмотрела в сторону кровати.

-

Он у меня очень добрый...

-

И дальше это станет только заметнее, — тихо отвечает Тимур. — Высокая эмпатия, высокий интеллект... Именно поэтому к ним так привязываются.

Он ненадолго замолчал.

-

Главное – не пытайтесь всё время спасать его от самого себя. Просто будьте рядом.

Впервые за разговор Оксана почувствовала, что может нормально дышать.

-
Спасибо вам...

-
Пожалуйста. И звоните в любое время. Серьёзно.
Только сейчас она замечает, который час.

Оксана начинает извиняться за ночной звонок, но Тимур почти сразу перебивает её:

-
В любое время, Оксана. Доброй ночи.
В трубке раздаются короткие гудки.
Будильник снова отвлекает её от мыслей.

«Вряд ли Вася уже проснулся», — думает она, но всё равно поднимается с кровати и подходит к детской.

Мальчик уже не спит.
Он внимательно смотрит на мать своими выразительными глазами.

-
Ты плакала, мам?
Оксана присаживается рядом и улыбается:

-
Да. Из-за одной глупой книги.

-
А что в ней?

-
Там рассказывается, как помогать детям, которым бывает трудно.
Вася немного подумал.

-
И тебе жалко этих детей?
Она неожиданно усмехнулась сквозь усталость:

-
Да. Но, знаешь... мне кажется, некоторые дети справляются с трудностями лучше взрослых.

Мальчик серьёзно кивнул, будто действительно понял её слова.

-
Мы сегодня не будем заниматься? — неожиданно спросил он.

-
В следующий раз. А сейчас можем просто поиграть.
Вася тут же оживился, вскочил с кровати и побежал к игрушкам.
Кажется, после долгого сна у него снова появились силы.
Оксана медленно поднимается следом.

Сын уже достал большой набор конструктора и аккуратно раскладывает детали по полу.

Будильник Оксана отключает заранее, быстро встаёт с кровати и достаёт новую головоломку, чтобы оставить рядом с кроватью — в последнее время Вася сильно полюбил их, но решает слишком быстро. Затем она идёт на кухню, чтобы приготовить завтрак.

Дверной звонок заставляет Оксану вздрогнуть. Он не звонил, пожалуй, с тех пор, как Толя ушёл. В голове тут же проносится немой вопрос: «Кто это мог прийти?» и тут же: «Васю, небось разбудил...». Но Вася уже не спит — сидит на полу и сосредоточенно решает головоломку.

-
Доброго утрачка, родной.

-

Доброго, мам, — бросил ребёнок, не отрываясь от увлечения.

Открыв дверь, девушка замирает ошарашенная. Она ожидала увидеть кого угодно, кроме бывшего мужа. Тот, похоже, обескуражен не меньше, чем она.

-

Тут документы, что мы не живём больше вместе, можешь подписать? — произнёс он извиняющимся тоном на одном духу, как заученную фразу.

-

А, да, — наконец приходит в себя Оксана. — Да, ты проходи – чего, как чужой? Подожди немного, сейчас верну.

Она забирает пару листов бумаги и смущается, как школьница, задев пальцами руку бывшего. Он же делает вид, что ничего не заметил.

В доме полно ручек и прочей пишущей и красящей канцелярии, но все они, по-видимому, у Васи на столе. Оксана уже собирается пойти в зал, когда слышит детский голос из прихожей, и останавливается, прислушиваясь.

-

Привет, ты мой папа?

-

Да...

Вася несколько мгновений внимательно рассматривает его лицо.

-

А почему ты не приходишь?

-

Я... работаю много, — прозвучал всё тот же «оправдывающийся» тон.

-

И совсем нет времени? — в голосе совсем не было упрёка, скорее удивление. — Зачем же так работать?

-

Вася! Не задавай... — решила вмешаться мама, но не сумела подобрать подходящее слово, сначала хотела сказать «глупых вопросов», но это было неправдой, поэтому мысленно исправляется: — ненужных вопросов.

-

Нет, всё нормально, — слишком быстро ответил Анатолий.

А Вася внимательно смотрит на него, изучающим, пронзительным взглядом, слишком серьёзным для полуторогового малыша.

-

Ты боишься меня? — поинтересовался он тихо, почти сокровенно.

-

Н... нет, почему ты так решил?

-

Не знаю, — нахмурился Вася. — Просто мне так показалось.

-

Прости, ручку искала, — Оксана протянула документы.

Гость цепляется за бумагу, словно за спасительную верёвку, и выскакивает за дверь, пожалуй, чуть резче, чем ему хотелось бы.

Оксана не винит его, она и сама боялась... нет – до сих пор ей иногда страшно. Скорее она расстроена, что так всё прошло, но надеется, что это не последняя их встреча с сыном.

На фоне слышен серьёзный мужской голос, рассказывающий о далёких звёздах и процессах, происходящих внутри них. Но Оксана не слушает, она погружена в свои мысли о недавнем визите Толи. Словно прочитав их, Вася неожиданно спрашивает:

-

Мам, а папа нас любил? — Оксану зацепило, что вопрос в прошедшем времени, но тон слишком будничным, словно он спросил про далёкую звезду, о которой смотрел передачу.

-

Да... конечно, — она не сразу находится с ответом.

-

Но другие дети тоже иногда умирают, — он всё очень хорошо понимает, в этом у Оксаны не было никаких сомнений.

-

Да. Иногда.

-

Значит, если бы он не знал, что я умру, он бы так не боялся?

-

Все мы иногда боимся, — ей пришлось хорошо подумать, чтобы подобрать слова. — Думаю, он, просто, отчаялся.

-

Но не ты, — произнёс он это с любовью и благодарностью. — А можем мы сегодня почистить вместо занятий?

Оксана улыбнулась и поняла, что давно этого не делала – слишком напряжена была в последнее время.

-

Конечно.

Она выключает телевизор, берёт с полки книгу «Маленький принц» и снова опускается на кресло.

В детстве Оксана очень любила эту книгу. Папа перечитывал её примерно раз в месяц, а повзрослев, она иногда просила его прочитать её ещё раз – это было её небольшое путешествие в прошлое, где всё было так просто и понятно. Впрочем, Вася воспринимал её несколько иначе и задавал вопросы, о которых она сама даже не задумывалась.

Оксана отключает будильник и впервые за долгое время не заводит новый.

Будильник. Оксана отключает его, снимает с огня сковородку с овощами и идёт в комнату.

Вася сидит в кресле и смотрит куда-то мимо окна.

Ещё год назад она бы испугалась. Подбежала бы, начала звать его по имени, трясти за плечо, проверять дыхание. Теперь знает: это не поможет.

Она уже давно выучила книгу Терпкина почти наизусть. Когда-то та казалась ей страшилкой о том, как будет угасать её ребёнок. Теперь же стала чем-то вроде словаря, который помогает достучаться до сына, когда обычных слов уже недостаточно.

Оксана присаживается рядом и осторожно накрывает ладонью его руку.

-

Васенька, ты меня слышишь?

Никакой реакции.

-

Я держу тебя за руку. Чувствуешь?

Она проводит пальцами по его волосам.

-

Я рядом, родной.
Проходит несколько секунд.
Затем ещё несколько.
Наконец взгляд мальчика медленно возвращается к ней.

-
Я опять задумался?
Каждый раз он спрашивает это так, будто подвёл её.

-
Немножко.
-
Я стараюсь держаться, но не всегда получается.
Оксана улыбнулась.

-
Знаю. Я всегда буду рядом, чтобы помочь вернуться.
Вася серьёзно кивает и обнимает её.

После занятий они устраиваются на полу играть в любимую игру Васи.
Когда-то всё начиналось с обычной доски, пары пластиковых стаканчиков и теннисного шарика. Теперь у игры сложные правила, выигрышные стратегии и даже несколько придуманных Васей дебютов.

Сегодня партия складывается особенно напряжённо.
-
Если бросишь сюда, проиграешь через два хода, — предупредил Вася.

-
Это мы ещё посмотрим.
-
Нет, проиграешь.
Оксана бросает шарик, затем – Вася, снова – она и проигрывает.

-
Ну вот.
-
Хвастунишка.
Вася довольно улыбается.
Именно в такие моменты ей начинает казаться, что никакой болезни вовсе нет.

После обеда они смотрят передачу о больших кошках.
Оксана почти не следит за экраном. Ей больше нравится слушать Васю после фильма. Обычно получается даже не пересказ, а целая лекция. Он часто дополняет её различной информацией, своими размышлениями и какими-то дополнительными фактами.

Оксана смотрит на сына и представляет, как бы он пошёл в свой первый школьный класс. Его первый звонок. Первых друзей. Какую-нибудь смешливую девочку, которая ему понравится.

Телефон завибрировал. Оксана смотрит на экран: «Толя».
Она отвечает на звонок и выходит на кухню, чтобы не мешать сыну смотреть.
Когда разговор закончился, Оксана ещё некоторое время стоит посреди кухни с телефоном в руке. Экран давно погас, а она всё никак не может заставить себя пошевелиться.

И дело даже не в свадьбе – с этим она его поздравила почти искренне. И не в том, что в связи с новой жизнью он решил разорвать все старые связи – это, наверное, правильно. А в том, что только начало всё налаживаться, и сейчас... сейчас она не знает, что делать.

Она зависела от тех денег, что давал ей Толя. Конечно, можно попытаться отсудить у него часть того небольшого, что они успели совместно нажить, и что он считал своим по праву – ведь это он работал, а она сидела дома. Но для этого ей потребуется время, которого у Оксаны, как раз-таки, нет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.